

Сведения об авторе: **Габдрафикова Лилия** Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru.

"Если я засну с застёгнутым воротником рубашки, то ангел будет мучиться"

9 июня 2023

По улицам татарской деревни Старое Арсланово, что в Буздякском районе Башкирии, в конце 1920-х годов бегал один мальчик. Он родился в семье местного муэдзина Мирсаяфа и был его самым младшим ребенком. Тогда еще малыш не знал какие испытания выпали на его долю, было лишь беззаботное солнечное детство и заботливые родные люди рядом.

Ашраф Мирсаяфович Валиуллин (1924-2010) прожил трудную и насыщенную событиями жизнь. Он работал техником, экономистом в разных уголках большой страны Советов, участвовал в Великой Отечественной войне, и в солидном возрасте был вынужден переехать из Душанбе в Бугульму. По просьбе родственников в 2005-2006 гг. он написал о своих детских и школьных годах в Башкирии. В этой публикации речь идет о самых первых воспоминаниях из жизни маленького Ашрафа: детские шалости, отнятие от груди и обрезание.

Съела кошка

Неизменный друг и добрый помощник, долгие годы безупречно служивший семье, любимый всеми наш медный самовар вдруг осиротел. Он был отставлен в сторону и уныло стоял теперь в углу кухни, обиженный и печальный, безмолвный, холодный.

Дело в том, что у него пропал кран. Взрослые, конечно же догадывались, что виновником исчезновения столь необходимой части самовара является никто иной, как младший член семьи, которому вот-вот должно было исполниться три годика.

Мама ласково прижимали меня к себе и доверительным тоном спрашивала:

- *Самоварның краны кая булды, улым?*
- *Песи ашады, - отвечал я дрожащим голосом.*
- *Песи кранны ничек итеп ашады?*
- *Шатыр-шотыр итеп ашады, - отвечал я, не смея поднять глаз.*

Взрослых, видимо, забавляла наивная выдумка маленького проказника и они частенько переспрашивали меня, как кошка съела кран. Я, ставшей уже привычной скороговоркой, повторял им свой ответ и тут же убегал от них. Наверное, представлялась им редкая картина, как мурлыка, расположившись посередине комнаты с зажмуренными глазами озабоченно грызёт с треском металлический кран.

"Портрет матери". Художник Харис Якупов.

Вскоре в семейном кругу весело запел, замурлыкал другой самовар, заняв почётное место своего предшественника.

Поясню, почему пишу «в кругу». Иметь дома столы и кровати в то время было не принято. Их успешно заменяли нары (саке) – настил из досок на некотором возвышении от пола, постоянно застеленный толстой шерстяной кошмой (киез). Для спанья на нары настилали матрасы, для приёма пищи - скатерть. Семья располагалась вокруг скатерти кругом. При чаепитии мама садилась обычно рядом с самоваром и разливала чай.

Прошёл почти год. История с краном постепенно забылась, и никто больше не спрашивал меня, как кошка съела кран. Мне скоро должно было исполниться четыре года, когда папа надумал заменить или уплотнить дома половицы. Играя на месте разобранного пола, я нашёл причудливой формы красивую игрушку. Это был потемневший, позеленевший самоварный кран, тот самый, который «съела кошка». Обрадованный я подбежал к маме и отдал ей счастливую находку.

- *И-и-и, - карагыз эле, -* сказала мама, как всегда ласково прижимая меня к себе и будучи не в состоянии скрыть своё удивление, - *Бу бит теге песи ашаган самовар краны! Үзе ук тапкан бит, менә. Ходайның рахмәте ...*

Грудной ребёнок

У мамы часто умирали дети в раннем возрасте. Судя по родословной таблице, кропотливо восстановленной и любезно оставленной нам Мажит абыем в апреле 1972 года в Душанбе, умер родившийся после него Муллахади (1908-1909). Не выжили Габдельбари (1910 г.р.), Махмуза (1912 г.р.), Масхуда (?), Мамдуха (?) и родившаяся до меня девочка Ашрафа (1915-1916).

Отчаявшаяся мама перед моим рождением дала себе слово: если этот ребёнок останется живой, не буду отнимать его от груди до тех пор, пока не бросит сам. Мама сдержала своё слово. Не отнимала меня от груди до ... 5-ти лет.

Бегая с мальчишками во дворе, я исчезал на короткое время, прибежал домой и показавшись в дверях, звал тихонько:

- Эни, эни!

Мама выходила в прихожую, садилась на лавочку и давала нетерпеливому, большому младенцу грудь. Подкрепившись, я снова убегал играть. Бегал, поддерживая левой рукой в поясе штанишки, которые почему-то постоянно падали. Тогда в деревнях люди, видимо, ещё не были знакомы с обыкновенной резинкой...

Спать ложился я всегда около мамы и засыпал с соском маминой груди во рту. Не могу судить, бывает ли у матери в таких случаях грудное молоко. Может это было просто приятной привычкой для последыша?

Мама следила, чтобы перед сном у меня всегда был расстёгнут воротничок рубашки и грудь на ночь оставалась свободной. Она объясняла это тем, что ночью прилетает ангел и охраняет мой сон. Если воротничок рубашки будет застёгнут, то ангелу негде будет садиться.

*“Башыңа куңар идем – каты,
Күтенә куңар идем – сасы,
Күкрәгенә куңар идем – ачык түгел.” – скажет ангел и огорчиться.*

Я глубоко верил маме. Мне казалось, что если я засну с застёгнутым воротником рубашки, то ангел будет мучиться, не находя себе места и будет плакать, находясь где-то в стороне. Ангел мне представлялся мягким, воздушным существом, живым, как и мы, и всё видящим.

Привычка засыпать с открытым воротничком настолько стала обычной, что я уже не мог заснуть, не убедившись, что воротничок расстёгнут и ангел сможет спокойно садиться на мою грудь. Мама проверяла рукой, не забыл ли я расстегнуться, и поплотнее прижавшись к ней, я спокойно засыпал.

Теперь, когда мне уже много лет, я твёрдо убеждён, что ангел не только охранял мой сон, но и меня самого, и на протяжении всей моей долгой жизни, не покидал меня ни при каких обстоятельствах. Спасибо тебе, мой дорогой Ангел! Спасибо тебе моя дорогая Мама: это ты единственная, кто представила меня моему Ангелу-хранителю в далёком детстве. *Рәхмәт Сиңа, Кәдерле әнкәем, син иң беренче булып миңа фәрештәмне ачтың, таныштырдың, ышандырдың.*

Дальше о том, как я сам «отнялся» от маминой груди. Однажды, прибежав домой, чтобы в очередной раз позвать маму в прихожую, я увидел следующее: за занавеской, отделявшей кухонную часть избы и обычно открытой, кроме мамы находились две женщины-соседки, которые заметив меня, тут же задёрнули занавеску и прикрыли плотнее. Но я успел заметить на нарах медный тазик с алого цвета жидкостью. Дома больше никого не было. Почувствовав что-то неладное, я выбежал к мальчишкам во двор продолжать играть.

Но играть особенно не хотелось. Мама, наверное, заболела – такая мысль не покидала меня. Вечером, ложась спать, я лёг не лицом к маме, как обычно, а спиной. Мама это заметила и осторожно спросила: “Имине алмыйсың мени, улым?”

- М-м-м, - мычал я, не раскрывая рта и мотая головой.

- Нигә, улым?

- М-м-мм, - повторил я свой нечленораздельный ответ.

Мне было грустно. Даже очень. Я лишился того, к чему так привык все свои детские годы. Хотелось плакать. Мама, обняв меня сзади. Прижала к себе поближе и с горьким чувством утерянной радости я уснул. Все последующие несколько вечеров повторялось то же самое, если не считать того, что мама перед сном стала давать мне маленький кусочек хлебной корки, зажав которую губами, я засыпал.

Помнится, как мама в разговоре с домашними и своими знакомыми говорила: *“Ходайның хикмәте, нәрсә булды балакайга, кинәт кенә имине ташлады да куйды. Ярар, хәерле булсын, зур бит инде.”*

Маленький мусульманин

Мама частенько вздыхала: *“Урыс булып кала бит бала, и-и-и Алла.”*

Она очень любила меня и, видимо, не хотела, чтобы мне причинялась, какая бы ни была, боль. Сама же не решалась пригласить бабачи и вопреки своему желанию всячески оттягивала день, который неизбежно должен был наступить. Возможно, она надеялась как-нибудь уговорить меня, получить моё согласие. Но я уже был большой, представлял, что это будет больно и ни за что не согласился бы.

И вот в один из солнечных дней, когда я был дома, в дверях появились Марьям тэтэ и с ней соседка. Что-то таинственно-заговорщицкое исходило от них. Почувствовав недоброе, я направился на выход. Детское чутьё меня не обмануло: обе женщины схватили меня за руки. Я заорал, вырвался из их цепких рук и ринулся в ындыр (приусадебный участок для картошки). Марьям тэтэ и соседка побежали за мной, одна с одной, другая с противоположной стороны, намереваясь окружить и схватить меня. Я бегал довольно быстро и легко мог бы убежать за огород в сторону поля. Но какая-то необъяснимая сила

подтолкнула меня и направила снова к дому. Забежав в избу, я нырнул под нары и прополз в самый дальний угол, зная, что толстые тётки под низкие нары не смогут пролезть за мной. Увы, убежище моё оказалось ненадёжным: женщины вмиг откинули кошму, отбросили в сторону пару досок и, схватив за руки и за ноги, вытащили меня, как котёнка, положили на спину и содрали с меня, визжащего, кричащего, орущего так, что слышно было, наверное, на всю деревню, штанишки.

Боли никакой я не почувствовал (видимо из-за страха и крика), только помню, как потекло под меня что-то тёплое, словно полили сверху, затем рану чем-то обильно присыпали, чтобы остановить кровотечение (применяли оказывается гниль, древесную труху). Руки и ноги мои освободили, ибо я уже был не в состоянии даже привстать, не то, чтобы убежать. Я лежал на спине, согнув ноги в коленях, беспомощный, обиженный, сломленный, оскорблённый, униженный, жалкий, побеждённый.

Когда, всё ещё продолжая всхлипывать, я приоткрыл глаза, увидел около себя тех же двух моих преследователей:

- *Йә-йә, жылама инде, бабачи китте, башка килми, - утешала она.*

- *Бетте, бетте. Инде тәтәй малай булдың, - успокаивала другая.*

Где же были в это время мама и бабачи? Наверное, чтобы преждевременно не пугать меня, они затаились где-то поблизости. Бабачи, которого я так и не увидел, в ожидании нужного момента, мама конечно же усиленно молилась, прося Всевышнего, чтобы всё завершилось благополучно и в глазах у неё, наверное, были слёзы, ведь я так неистово визжал.

Пока я находился в постели, приходили соседки, знакомые мамы и приносили мне что-либо вкусное.

Автор благодарит за содействие Ильгизара Ахмедова. Рукопись воспоминаний А.М. Валиуллина хранится в семейном архиве Иштиряковых.

В нашей избе, которая находилась посреди деревни, устроили сельсовет"

4 июля 2023

"Мы жили ещё в своём доме, родном доме отца, следовательно, это было до погромного 1930 года. Этот год зловеще и необратимо маячил пока на горизонте", - вспоминал о своем детстве Ашраф Валиуллин, сын муэдзина из татарской деревни Старое Арсланово Буздякского района Башкирии. В этом эпизоде ему было где-то 6-7 лет, вокруг уже началась коллективизация. Из Старого Арсланово стали высылать кулаков, арестовали имущество и у отца маленького Ашрафа.

" В гостях

Мама давно собиралась сходить в какую-то дальнюю деревню и обещала взять меня с собой. Возможно это была её родная деревня Ламу.

И вот этот день настал. Встали рано, попили чай, мама захватила приготовленный с вечера узелок, и мы отправились в путь.

Два, казалось бы, незначительных момента, связанных с посещением далёкой деревни, навсегда запечатлелись в моей детской памяти, и я часто вспоминаю о них: это посещение кладбища и, как я своим поведением поставил маму в неловкое положение в гостях у её знакомой. Сколько же мне было тогда лет?

... Я «отнялся» от груди, да ещё мусульманином стал, значит, мне было уже больше пяти лет. Если добавить, что я родился в декабре, а сейчас лето, выходит, что мне было пять с половиной лет.

По просёлочной дороге шли мы довольно долго. Мама время от времени справлялась, не устал ли я. Мне прогулка нравилась, и я бодро отвечал, что нет. Тем не менее раза два мы присели на короткое время отдохнуть.

Вскоре показалась деревня, куда мы держали путь, а в стороне от неё, помню, слева от нас, кладбище. Мы подошли к ограде. Мама развязала свой узелок, достала оттуда чистый платок, такой же белый, какой у неё был на голове, накинута его на спину, плечи, голову, и, как показалось мне, приняла особый, торжественно-благообразный вид. Переступив с правой ноги и повторяя за мамой "Бисмилләир-рахмәнир-рахим", мы зашли на кладбище. Мама произнесла слова приветствия: "... И-и, бу йортларның әхелләре, сезгә Алла Тегаленәң сәламе булсын!"

Не стану пытаться передать эти слова по-русски, ибо они в моём переводе потеряли бы свою присущую лишь родному языку характерную выразительность. А какие слова произносят при посещении кладбища верующие христиане и произносят ли они их вообще, я не знаю до сих пор, спрашивать об этом кого-либо не приходилось.

Большая часть могил на кладбище была без ограды. Покрытые зелёной травой холмики были обозначены каменными или деревянными столбиками с конусообразным верхом. Мама подошла к могиле, за невысокой аккуратной деревянной решёткой, в которой буйно поднимался куст сирени. Здесь вечным сном спал отец или мать моей мамы (не запомнилось), то есть мой дедушка или бабушка. По-мусульмански скрестив ноги, мама села лицом на кыблу (юг), я сел рядом на пятки и, по примеру мамы держа ладони ракушкой перед лицом, повторял: “Бисмиллә-ир-рахмән-ир-рахим”. Потом она вполголоса прочитала молитву и, как сейчас я понимаю, несколько сур Корана, закончив их знакомыми мне словами: “Аллаһ әкбәр!”. Мы провели ладонями по лицам.

Никогда не забуду эти минуты. Светило ласковое солнце. Высоко в синем небе медленно проплывали небольшими островками светлые облака. Лёгкий ветерок нежно ласкал зелёную траву, любовно играл листьями сирени над могилой. Было тихо. И в этой необычайной тишине лишь заунывно-задушевный мелодичный голос мамы, читающий суры Корана, казалось медленно растекается над могильными холмами, осторожно огибая их. Уж не такие ли минуты воспеты в чудесных стихах Бунина:

“Плывут узоры туч прозрачную фатою,
В пустынных небесах высоко над землёй.
И всё кругом светло, всё веет тишиною,
В природе и в душе – молчанье и покой.”

Кажется, что это всё было недавно. И сейчас у меня перед глазами могила с сиреневым кустом за скромной оградой, мама в белом платке, так и слышится её музыкальный напев.

После кладбища мы направились в деревню, к маминной родственнице, которая радушно встретила нас: “*И-и-и, нинди зур егет булган*, - сказала она про меня и шутливо добавила:

- *Ничек килдең, үзең атладыңмы, аллә әннәң кутәреп килдеме үзеңне?*

- *Мин үзем*, - ответил я стеснительно, чувствуя внутреннее беспокойство, как бы мама напроговорила о том, что лишь недавно я перестал быть «грудным» и стал “тэтэй малай”.

Хозяйка стала хлопотать у печки, что-то помешивая в котле, поставила самовар, постелила на нарах скатерть из клетчатого материала, какие в деревнях женщина (в том числе и моя мама) ткали сами на хитроумных самодельных станках.

Вскоре на медном подносе появился и горячий, пышащий паром самовар с весёлым чайником на конфорке.

Чтобы легче было понять дальнейшее, несколько слов о татарской кухне. В те времена татары для семьи и гостей готовили некое рассыпчатое кушанье: мука, поджаренная на масле или сале, разбавленная водой. Называлось такое блюдо – талкан или иначе боламык. Для домашних животных – кур, овец, коз, а также собак, готовилась густая мучная болтушка с добавлением отрубей и других пищевых отходов. Такая болтушка получалась рассыпчатой и тоже коричневого цвета. Мы называли её “эт боламыгы”, то есть для собаки. Внешне он мало отличался от обычного талкана, которым питались люди, на первый взгляд, разумеется.

Итак, мы расположились у скатерти, мама приняла свою обычную позу – села, сложив ноги калачиком, а я – слева от неё, подогнув ноги в коленях и опираясь на пятки.

Хозяйка наложила из котла на большую, круглую чашку рассыпчатое кушанье и поставила перед нами. Когда она отошла за ложками, я, наклонившись к чашке, выпалил:

- Әни, эни, бу эт боламыгымы?

Мама резко толкнула меня в бок локтем, хозяйка подошла и, наградив меня многозначительным взглядом, разложила перед нами ложки. Маме, конечно, было очень неудобно и она, подавляя смущение, быстро-быстро о чём-то заговорила с хозяйкой.

Мама не ругала меня, лишь позже по поводу моего неуместного вопроса сказала, что “аш алдында алай сорашырга ярамый, улым, гонах була”. Она сознавала, что в нашей семье, сколько я помню, такое блюдо почему-то не готовили, и предложенный нам в гостях талкан (он оказался таким вкусным) я фактически видел впервые.

Вечерело. Наполненный свежими впечатлениями день приближался к концу. Мама не могла себе позволить пропустить вечернюю молитву и стала готовиться к намазу. Легли мы спать рано, чтобы спозаранку отправиться в обратный путь.

Ограбление

До сих пор мне не верится, что в нашей глухой, заброшенной, забытой людьми и самим богом беднейшей татарской деревне Старо-Арсланово (западная часть Башкирии), были кулаки. Да ещё такие кровожадно-злые, вооружённые обрезами, какими они нам запомнились из произведений советских писателей и по кинофильмам.

Но шли тридцатые годы. Проводилась так называемая социалистическая переделка деревни. Создавались колхозы. (“Процесс пошёл” – сказал бы Михаил Сергеевич Горбачёв, будь тогда он у руля). Не могли оставаться в стороне от нововведений и активисты нашей нищенской деревни. Требовалось доложить верхам, сколько хозяйств раскулачено, разорено, сколько богатых семей выселено из своих домов, сослано в Сибирь.

Чыннанда: “Ни кылырсың, тотса мәскәүләр якаң? Как ты будешь отвечать там, тотса мәскәүләр якаң?” (Г. Тукай).

Возможно, буду не совсем объективным, но мне кажется, что в подобных ситуациях представители моей национальности обычно проявляют излишнее рвение. Может это следствие присущих нашему народу обязательности, исполнительности, трудолюбия, и привычки доводить начатое дело до конца.

А может это узость ума, отсутствие единства и дружбы в мыслях и действиях. Вечная боязнь: как посмотрит на это Москва и что она скажет? Скорее всего, и то и другое, слившееся вместе и превратившееся в национальную черту нашего характера (невольное позавидуешь евреям!). За примерами нет даже надобности возвращаться в годы тридцатые.

Достаточно вспомнить, с какой старательностью, каким злорадством, усердием и возмущением, смешанным с ликованием односельчане выселяли родителей и семью Мусы Джалиля, едва узнав о том, что он попал в плен к немцам. А сколько зависти ближним, грызни между собой, нетерпимости друг к другу, мы наблюдаем сейчас?!

Ашраф Валиуллин (1924-2010). Фото предоставлено Н.Иштиряковым.

В нашей деревне “раскулачиванию” подверглись семья муллы и семья мезине (муэдзина), то есть моего отца, так как новая власть враждебно относилась к служителям религии. Нетерпимость к духовным лицам власть не скрывала, даже закрепила конституционно. “Не избирают и не могут быть избранными монахи и служители церквей и религиозных культов” – гласила Конституция РСФСР 1918 года (раздел IV, статья 65 – «ч»).

Семью муллы выселили в баню, а мы, помнится, нашли приют в какой-то полуразрушенной, покосившейся, заброшенной избушке, где никто не проживал. Всё домашнее имущество, даже несчастную баню (?) и приусадебный участок отобрали. В нашей избе, которая находилась посреди деревни, устроили сельсовет. Отца арестовали и посадили на 5 лет.

Из чего же состояло «богатство» «раскулаченной» нашей семьи? И моего отца-мезине, посаженного в тюрьму. Об этом я узнал из справки, присланной по моему запросу из МВД Республики Башкортостан (№3/8-м-6902-В от 23.08.1996 года). Привожу её полностью.

Опись

Имущества жителя деревни Арсланово Буздякского района БАССР

Валиуллина Мирсаяфа на момент раскулачивания.

1. Изба деревянная – 1. 100 рублей.
2. Баня деревянная – 1. 15 рублей.
3. Надворные постройки – 1. 8 рублей.
4. Плуг железный – 1. 5 рублей.
6. Лошадь – 1. 60 рублей.
7. Домашняя утварь.

Тяжело даже представить, как можно было бы вести обыкновенное крестьянское хозяйство без перечисленного самого необходимого имущества. Однако, раскулачили, так как отец был служителем религии.

Сохранилось ли в моей детской памяти из этих горестных для нашей семьи дней что-нибудь?

Очень немного. Хорошо помню, как мы с мамой оставляли наш дом, оголённый, совершенно пустой. Явился какой-то грозный дядя и потребовал, чтобы мама отдала ключи, и чтобы мы покинули дом.

У меня в руке был агач төпсәсе (маленький пенёк-корешок дерева, похожий на какую-то зверушку), которым я играл. Выходя за дверь, я с силой швырнул свою игрушку на пол в направлении угла избы. Грозный человек, который держал в руках ключи, прикрикнул на меня, что-то вроде «цыц!», выругался и даже топнул ногой. С моей стороны это было, наверное, выражением детского протеста против совершаемой по отношению к нам несправедливости.

Помнится мне ещё, как мама затем частенько ходила в нашу, теперь уже ставшую чужой, избу убираться, подметать, мыть полы и каждый раз брала меня с собой. Видимо тянуло к себе её родное семейное гнездо.

Бедная мама! Как только терпело твоё сердце, как оно, наверное, обливалось кровью, как это было невыносимо тяжело и унинительно.

Между тем время шло. Закончился грозный, тяжкий 1930-й год, принёсший нашей семье непоправимое горе, незабываемые переживания, слёзы. Пошёл и не менее тяжкий 1931-й. Наступил 1932-й. Где в это время находились члены нашей семьи? Сколько лет было каждому из нас?

Шестидесятилетний папа второй год отбывал незаслуженное наказание где-то в Белебее или Уфе.

Мажит абый, после окончания педтехникума в городе Белебее, работал в одной из школ района учителем. Ему было в 1932 году 26 лет.

Раисе апа шёл 21-й год, и она находилась в Средней Азии, в Таджикистане.

Вторая половина семьи, мама – 49 лет и больная после перенесённой оспы, глубоко несчастная всю последующую жизнь, бедная наша Марьям тата (19 лет), и я продолжали жить в родном Старом Арсланове в упомянутой, приютившей нас чужой избушке.

Мне к концу года, то есть 1 декабря, исполнилось 8 лет, это означало, что в сентябре я должен буду пойти в школу".

Ашраф Валиуллин.